Цена свободы

Автор:
Алексей Пехов

Цена свободы

Алексей Юрьевич Пехов

Ветер и искры

«Кнофер хорохорился до последнего. Говорил, что у него есть влиятельные друзья, и стражники во главе с комендантом будут ползать перед ним на коленях, вымаливая прощение. Мол, выпустят, никуда не денутся, а нет, так он живо научит скотов вежливости…»

Алексей Пехов

Цена свободы

Кнофер хорохорился до последнего. Говорил, что у него есть влиятельные друзья, и стражники во главе с комендантом будут ползать перед ним на коленях, вымаливая прощение. Мол, выпустят, никуда не денутся, а нет, так он живо научит скотов вежливости.

Обычная болтовня маленького человека. Быть может, у него и были могущественные покровители, но за те два дня, что я здесь находился, никто не вытащил старину Кнофера. Однако малый по-прежнему отказывался верить, что влип так же крепко, как и остальные. Так продолжалось до той поры, пока не заскрипела, отворяясь, решетка и в полутемный подвал не вошли вооруженные стражники.

– Подъем, висельники! Тощая вдова заждалась! – крикнул один из них.

Кнофер тут же рухнул на пол, завопив, что это ошибка, он не виноват, у него есть друзья, которые вот-вот вытащат его отсюда. Он рыдал, кашлял, размазывал по лицу сопли и слезы, а затем пополз в самый дальний угол. Встреча с Тощей вдовой не самое радостное событие в жизни.

– Вот и пришло наше времечко, – вздохнул Старый Олл.

– Что-то рано, – сказал я. – Обычно они так с утреца развлекаются.

– Хрен их поймешь. По мне, так закат ничуть не хуже рассвета.

– Не скажи, – подал голос здоровенный парень, имени которого я так и не удосужился узнать. – Могли бы пожить чуть-чуть дольше.

– А ну, заткнулись там! На выход, покойнички!

Спорить и сопротивляться – себе дороже. Пятеро заключенных против двадцати хорошо вооруженных солдат не имеют шансов на успех.

Все, кроме Кнофера, вышли в тюремный коридор.

– Эй! – крикнул стражник. – Вылезай, крыса! Слышишь?!

Несчастный рыдал и выл, без остановки повторяя, что никто не имеет права так поступать с людьми, и они все очень-очень пожалеют. Командир отряда потерял терпение, и больше с упрямцем никто не церемонился. Его выволокли из камеры за ноги, врезав по ходу дела по зубам, чтоб перестал брыкаться.

Нам связали руки за спиной, стянув веревку так, что я поморщился.

– Двинулись! И без глупостей у меня!

– А как насчет последнего желания? – поинтересовался Старый Олл.

– Вот попадешь в Счастливые Сады, там хоть обжелайся. Двинулись, я сказал!

Кнофер совсем ошалел от страха, и его пришлось тащить. Это обстоятельство настроения стражи не улучшило.

Мы прошли длинным коридором, дождались пока отомкнут внешнюю решетку, затем поднялись по широкой лестнице на первый ярус тюрьмы. Еще один переход: мимо караулки, мрачных солдат с алебардами, множества чадящих факелов, и – вот она, последняя дверь.

Тюремщик зазвенел ключами, отомкнул замок, и нас, щурящихся с непривычки от дневного света, вывели в небольшой тюремный двор. Здесь находились помощник коменданта, чиновники из городского совета, лекарь, писец, служитель Мелота, ну и палач с двумя помощниками.

Стоящая в центре двора виселица, казалось, смотрела на нас. Впечатление она производила неприятное – два вкопанных в землю столба с перекладиной. И четыре петли. Четыре. Не пять. Кому-то из нас придется ожидать своей очереди.

Увидев Тощую вдову, Кнофер обделался, кто-то из солдат грязно выругался. Один из чиновников брезгливо поморщился.

– Пошевеливайтесь, покойнички. Вас уже заждались.

Стражник подтолкнул меня вперед. Вот и пожил, забери меня Бездна. Я, сплюнув, последовал за Старым Оллом.

– Ты! Светловолосый! Стой. Чуч, Март, вначале этого. Пусть на веревке брыкается.

Кнофер попытался сопротивляться, но бедолагу быстренько утихомирили. Я смотрел, как его вместо меня тащат на виселицу. Не могу сказать, что очень уж сожалел, что уступил свое место другому. Скорее, наоборот.

– Повезло тебе, парень, – один из стражников усмехнулся по-доброму.

Я пожал плечами.

– Неужели не рад?

– Чему радоваться? Я от нее все равно не убегу. Рано или поздно буду висеть со всеми.

– Что? Не боишься умирать? – спросил другой.

– Привык.

Я, и вправду, не боялся. Когда из года в год отправляешься на прогулку по Сандону[1 - Сандон – лес Высокородных.], да еще и четырежды встречаешься с рыжими Высокоублюдками из Дома Бабочки, то быстро привыкаешь к тому, что Смерть стоит за левым плечом. Умирать, конечно же, не хочется, но вот бояться… Разучился, наверное.

Сейчас учиться заново поздно. Хотя… можно умереть и не в петле. По крайней мере трое арбалетчиков не спускают с меня глаз. Бежать, а тем паче сопротивляться, бесполезно, но вот вынудить их стрелять можно запросто. Я прикинул варианты и отказался от этого поступка. Болт в животе гораздо неприятнее петли на шее.

Между тем, все было готово. Какой-то тип зачитал приговоры и обвинения, писец все прилежно занес в свитки, служитель Мелота[2 - Мелот – божество, в которое верят люди Хары.] прочитал короткую молитву. Стоящие рядом со мной солдаты стали делать ставки, кто протанцует с Тощей вдовой больше других. Все считали, что Кнофер, уж слишком крепко цепляется за жизнь – ему и выигрывать. Из рук в руки стали переходить сорены.

Помощник коменданта отдал приказ, и палач прошел вдоль виселицы, выбивая из-под ног приговоренных опору. К вящему разочарованию игроков, дольше всех за жизнь цеплялся Старый Олл. Я усмехнулся. Мысленно ставил именно на старика. Он был крепким малым, так что полностью оправдал возложенное на него доверие. Интересно, сколько мне отпустит петля до того момента, как придется умереть?

Казненные мирно покачивались на веревках, солдаты разговаривали между собой, помощник коменданта мило беседовал с жирдяем горожанином, и я стал подумывать, что обо мне забыли. Но нет:

– Эй! Снимите крайнего, – распорядился командир. – У нас тут еще один висельник.

Помощники палача засуетились, пытаясь избавить петлю от тощей шеи Кнофера.

– Двигай.

Я мрачно посмотрел на стражника. Торопыга.

– Не вынуждай тащить тебя.

Я прошел половину дороги, когда через внешние ворота вбежал толстый запыхавшийся мужчина. Все присутствующие с удивлением воззрились на коменданта. У этого красномордого пожилого человека не было привычки бегать, куда бы то ни было. Скорее наоборот.

– Слава Мелоту. Успел, – отдышавшись, сказал он и посмотрел на меня так, словно я был его самым лучшим другом.

До сегодняшнего дня я не верил в чудеса и благоволение богов. Тем сильнее было мое удивление, когда, раздосадованные отменой казни, стражники разрезали веревки у меня на руках и повели следом за спешащим комендантом. Я бросил последний взгляд на виселицу. Избежать знакомства с Тощей вдовой удалось самым счастливым образом. Весь вопрос – надолго ли?

Топая под конвоем, я не переставал думать о причинах отсрочки казни. Раньше ребята с расправой не слишком мешкали и в подробности преступлений не вдавались. Раз виновен, то вперед, в петлю. Или на рудники. В пограничных городках нет времени заниматься ерундой, вроде выяснения причин того или иного убийства. Когда у тебя под боком Сандон, не до глупостей…

Что им могло от меня понадобиться?

Мы пересекли внешний тюремный двор, подошли к невысокому зданию. Комендант спешил так, словно от этого зависела его жизнь. Наконец он

остановился перед дубовой дверью, поспешно распахнул ее.

– Милорд, тот человек, которого вы искали, здесь. Вам оставить охрану? Хорошо, если что, мы будем за дверью. Заходи!

В комнате находились двое. Первый был уже немолод, с густыми неопрятными усами и глубоко посаженными маленькими глазками. Лицо грубое, нос большой, но обращение «милорд», которым воспользовался комендант, заслуживало внимания. На этот раз со мной собирались говорить не имперские дознаватели. Большая шишка. Незнакомец восседал за столом и с мрачным интересом изучал мою физиономию. От таких людей ничего хорошего не жди.

Второй, невысокий и всего лишь на несколько лет старше меня, сложив руки на груди, стоял у окна. Этого я знал. Как-никак пять лет провел под его началом. Эгрен Туа, командир «Стрелков Майбурга». Точнее, мой бывший командир. В тот момент, когда я оказался за решеткой, меня сочли паршивой черной овцой и продали городским со всеми потрохами. В одно мгновение я стал чужим, точно и не было тех лет, боев и невзгод, что мы пережили вместе.

Бойцы своих не бросают. Я рассмеюсь в лицо тому, кто скажет это в следующий раз. Быть может, в других местах как-то иначе, но среди «Стрелков Майбурга» и у их вшивого капитанчика иные порядки. На мой взгляд, Эгрена не оправдывает даже то, что я, действительно, был виновен. Нельзя выбрасывать тех, кто плечом к плечу отражал с тобой набег Дома Бабочки. Я вновь почувствовал злость на этого хорька. С радостью бы двинул ему в зубы, но не уверен, что сейчас это будет разумным поступком.

– Это он? – спросил у Эгрена незнакомец.

– Да, милорд Ожон.

Усатый хмуро посмотрел на меня.

– Нет времени ходить вокруг да около. Я рассказываю, ты слушаешь. Потом говоришь, согласен или нет. Понятно?

– Понятно.

– Сегодня мы должны были подписать мирный договор с Высокородными. В самый последний момент, когда все уже было готово, одному из остроухих пробили шею стрелой. Эту неприятность… – он всем видом показал, что смерть эльфа неприятностью не считает, и тут я был полностью на его стороне, – удалось кое-как сгладить. Мы не порубили друг друга в капусту, но все договоренности оказались под угрозой. Наместнику, а тем более – Императору, это не понравится. Эльфы в бешенстве, но у них нет прямых доказательств, что убийство совершили люди. По мне, так какой-то из Домов решил воспользоваться ситуацией и замутить воду. Не все лесное племя поддерживает идею мира с Империей. В общем, так. Стрелка не нашли. Ни мы, ни они. Судя по следам, он ушел на восток. В Сандон. Или взял южнее, к отрогам Самшитовых гор. Высокоблудные отправили в погоню несколько отрядов, но этого мало. Во-первых, мы опасаемся, что убийство все еще могут повесить на нас. Это значит – новый этап войны. Ты успеваешь за моими мыслями или говорить медленнее?

– Успеваю.

– Чудесно. Во-вторых, эльфы поставили условие, что мы должны проявить свои добрые намерения и помочь им в поимке преступника. Его следует взять живым и притащить назад, пред светлые очи Наместника и эльфийского дельбе. Теперь, что касается тебя. Эгрен говорит, ты отлично знаешь места, куда отправился стрелок.

– Я не единственный из гулявших по Сандону, – было понятно, что мне предложат.

– Все, кто был, уже ушли с поисковыми отрядами.

– Простите, милорд, тогда я не понимаю, для чего вам понадобились мои услуги.

– К вечеру несколько… – он помедлил, – лиц пожелали принять участие в этом деле. Им потребовался опытный проводник. Ты – лучшее из худшего, что у нас есть. Искать других – нет времени.

– Я не следопыт.

– Ты нужен как проводник. И только если беглец ушел в горы. Как я слышал, ты хорошо знаешь те места. Эльфы, хоть земля и принадлежит им, камней не

любят.

Я насторожился.

– Только горы? Не Сандон?

– В своем лесу Высокородные в проводниках не нуждаются.

Все стало на свои места.

– Вы предлагаете мне стать проводником у этих ублюдков?!

– Я предлагаю тебе помочь нам или отправиться на встречу с Тощей вдовой. Уверяю, во второй раз она тебя так просто не отпустит.

Обратно в петлю мне не хотелось гораздо больше, чем в эльфийскую компанию. Все же остроухие не самая страшная цена за свободу.

– Если я соглашусь…

– Наместник собственноручно подпишет тебе освобождение с полным прощением. Вали на все четыре стороны. Хоть в Альсгару[3 - Альсгара – крупнейший южный город Империи.], хоть еще куда. Ну, так как?

– Согласен.

– Я не сомневался.

– Могу я задать несколько вопросов?

– Спросишь, когда прискачем на место. У нас очень мало времени. А твои будущие спутники терпением не отличаются.

На место мы прибыли за два нара до рассвета. Оба берега неширокой реки оказались усыпаны огоньками костров. Здесь собралось несколько тысяч воинов.

Несмотря на ночь, никто и не думал спать, эльфы в сотне ярдов от лагеря – плохое снотворное. Если им придет в голову напасть, узкая полоска воды вряд ли станет серьезным препятствием. Временное перемирие может закончиться точно так же, как и началось – в один момент. И это понимали даже самые непроходимые тупицы. Сон сейчас – недопустимая роскошь.

Мне оказали доверие и вернули лук, колчан с дюжиной стрел и метательный топорик. Но отчего-то «забыли» убрать пяток арбалетчиков, постоянно дышавших в затылок. Они отвязались только после того, как мы дошли до шатра, раскинутого недалеко от моста. Здесь я и встретился с остроухими. К моему удивлению, их оказалось всего лишь двое, а не три десятка, как я опасался. Видать, не слишком многие из семьи спешат отомстить за гибель соплеменника. Или все желающие давно отправились в погоню, а эти замешкались. И тем самым спасли мне жизнь.

Один из них был из Дома Искр – черноволосый, с глазами цвета голубого топаза, как и у всех в его клане. Высокородный оказался на полголовы выше меня и гораздо шире в плечах. Спесивая морда, острые уши со множеством золотых серег. На шее у него красовался страшный шрам. Внушительный парень, голыми руками такого не возьмешь. Увидев его одежду, я нахмурился – зеленая куртка с бахромой, торчащая из-под нее рубаха чуть более темного цвета, и точно такие же штаны. Форма Зеленого отряда. Я, по счастью, с этими ребятами никогда не сталкивался, но за годы службы наслушался о них предостаточно. Если такие друзья садились тебе на хвост где-нибудь в Сандоне, то уйти от них было практически невозможно. Это не говоря уже о том, что ублюдки никогда не считали нужным брать пленников.

Второй оказался невысоким и хрупким. Он был золотоволос и зеленоглаз. Гораздо старше, чем первый. Лицо изможденное, под глазами залегли тени, губы искусаны. Судя по всему, прошедшие сутки выдались для него нелегкими. В отличие от товарища, этот был одет неброско, так что я не смог понять, какой Дом он представляет.

Сейчас оба эльфа, не обращая внимания на присутствующих в шатре людей, тихо переговаривались между собой, а мои соплеменники подчеркнуто «не замечали» присутствия чужаков. Думаю, и для тех, и для других это было достаточно затруднительно. Когда столько лет ненавидишь, пускаешь кровь, а потом вот так – бок о бок – стоишь рядом с лютым врагом и не имеешь возможности схватиться за меч… Тяжело, непривычно и неуютно. Лично я

встречал столь мирных остроухих только в виде покойников. Все остальные представители лесного народа, так или иначе, пытались отправить меня в Счастливые сады.

Не скажу, что я ненавидел Высокородных и воевал с ними за правое дело и Империю. Это не так. Поначалу мне, как и многим другим, платили, я выполнял свою работу и старался делать ее как можно лучше. Потом нам довелось увидеть деревню, в которую устроили молниеносный рейд мясники из Дома Бабочек. С тех пор кроме денег у меня появилась еще одна причина делать дело хорошо – осознание того, что если выпустить остроухих из лесов, то я нарвусь еще не на одну мертвую деревню, и следующие полгода мне снова будут сниться кошмары. Последние я не любил так же, как и эльфов. Поэтому старался уничтожать и одних, и других. Так что сейчас, как только увидел бывших врагов, рука сама собой потянулась к топорику. От Высокого не укрылся мой жест, и он соизволил насмешливо прищуриться. Впрочем, спустя уну, его лицо вновь превратилось в ничего не выражающую маску.

– Господа, – как видно, Ожону нелегко далось это слово, – я нашел для вас проводника.

Внимание обоих остроухих тут же оказалось направлено на меня. Золотоволосый едва заметно поморщился, словно ему предложили подгнивший фрукт. Черноволосый остался бесстрастен.

– Вы нам очень помогли, – сказал он. – Дельбе Васкэ будет вам благодарен.

– Я всего лишь исполняю приказ, – сухо ответил Ожон и, не попрощавшись, вышел из шатра.

Какое-то время они молчали. Маленький с явной враждебностью продолжал сверлить взглядом мою физиономию, затем заинтересовался расцветкой оперения стрел в колчане. Красные. Знающему Высокородному это говорило о многом. Поймай они меня в лесу с такими стрелами, и я бы вначале лишился больших пальцев на обеих руках, затем глаз, а потом кожи. Нашего брата в Сандоне любили разве что комары да пиявки.

– «Стрелки Майбурга».

Высокий не спрашивал. Утверждал.

– Уже нет, – коротко ответил я, и тут же почувствовал злость на Эгрена и самого себя.

Высокородный нахмурился.

– Мы встречались?

Я должен был задать этот вопрос.

– Возможно. Рашэ из Дома Искры.

Я дал понять Черноволосому, что это имя мне ничего не говорит.

– Я был с Хрустальными росинками. Подкова Маж.

А вот это уже говорило о многом. Два года назад мы успешно пробрались в Сандон, сделали свое дело и уже возвращались домой, когда нам на хвост упали жаждущие мести Высокородные. Тридцать стрелков и четыре десятка отчаянных рубак из пограничных гарнизонов против двух сотен остроухих. Справиться с ублюдками среди деревьев мы не смогли бы при всем желании. Нас бы вырезали поодиночке. Оставалось только бегство. Но ни уйти к горам, ни вырваться из проклятых лесов не получилось. Мы просто не успели это сделать. Мелот миловал, один из пограничников привел нас к небольшому мелкому озерцу, посреди которого красовался крохотный, поросший чахлыми осинами островок. Та самая Подкова Маж, в тот момент показавшаяся нам самым прекрасным местом в мире. За нар мы превратили его в голую пустыню, использовав все, что росло, для создания хоть какого-то подобия невысокого частокола. Остроухие жаждали крови и поперли на нас прямо с марша. То ли присутствие лучников они не восприняли всерьез, то ли просто о нас не знали, но в тот день стрелы с красным оперением собрали богатую жатву. Тридцать опытных стрелков при поддержке мечников не только отбили две атаки, в первой из которых не ожидавшие столь яростного отпора Высокоублюдки лишились почти сотни душ, но и пробились через заслоны, угробив еще пять десятков сынов леса. Сорок из семидесяти смогли вырваться из Сандона. Среди этих людей был и я.

Потом, где-то через год, мы узнали, что у Подковы Маж столкнулись с Хрустальными росинками из Дома Искр. Теми тварями, что в один из не самых радостных для Империи дней вышли из своих лесов на восемьдесят лиг и штурмом взяли летний императорский замок. По счастью, Императора в нем не было, но никто из тех, кто в этот момент находился в твердыне, теперь не может похвалиться своими ушами, по причине отсутствия оных.

Что же. Значит, Рашэ тоже воевал у Подковы. Я не знал, что с Росинками был кто-то из Зеленого отряда.

– Мы встречались, – подтвердил я, и он коротко кивнул, показывая, что учел этот факт.

– Как называть тебя?

– Нэсс.

– Прозвище есть? – спросил Золотоволосый.

Этот гад возненавидел меня с первой уны нашего знакомства. Я посмотрел в его зеленые глаза и нагло ухмыльнулся.

– Думаю, вам хватит и моего имени. Могу я узнать, кто ты?

Не собираюсь обращаться к Высокородному на «вы», пускай он будет даже из правящей семьи.

– Керэ из Дома Лотоса.

Вот ведь связала судьба с Высокоблудными! Не отвяжешься. Или иди с ними, рискуй шкурой, ожидай, что они в любой момент перережут тебе горло, или – бравым шагом в объятья Тощей вдовы. Я бы смылся, да далеко вряд ли убегу. Если и делать ноги, то не сейчас. Позже. Быть может, мне подвернется шанс выкрутиться.

– Когда вы желаете выступить?

– Иди за нами, – Керэ легко встал, взял лежащий на столе плащ и вышел из шатра.

На освещенной кострами поляне все еще топтались знакомые арбалетчики. В этот раз они не последовали за мной, а лишь проводили цепкими взглядами и, убедившись, что я прошел с эльфами через усиленный караул и ступил на мост, отправились восвояси.

На этом берегу караулы были ничуть не слабее, чем на том. Высокоблудные доверяли нам точно так же, как мы – им. Серьезные ребята: в травяного цвета одежке, со своими знаменитыми копьями. Зеленый отряд. Не удивлюсь, если еще и стрелков вдоль реки поставили, да во мраке каких-нибудь Алых слив и Лунных мотыльков спрятали.

Караульные пропустили нас без всяких вопросов. Видно, не только ждали, но и хорошо знали двух моих спутников. Теперь я старался держаться к ним поближе. Так спокойнее, а то чем Бездна не шутит, отойдешь в сторону, и какая-нибудь Ночная лилия всадит стрелу в печень. Конечно же, по ошибке.

Керэ остановился у раскидистого дуба, и Рашэ оказался у меня за спиной. Мне не понравилась подобная постановка вопроса, поэтому я отшагнул вбок и положил руку на рукоять топорика. Намек Черноволосый понял и больше попыток дышать в затылок не делал.

– Мне сказали, ты неплохо знаешь наши горы, – негромко сказал Керэ.

Насчет права остроухих владеть горами у меня было собственное мнение, но я не стал его высказывать. Коротышка мог серьезно обидеться, а ссориться с ним сейчас не резон.

– Верно.

– А вот мне, к сожалению, не удалось там побывать. Старики говорили, что места красивейшие. Особенно одно. Если повернуть к закату после Двухглавой гряды, то через день можно дойти до широкой долины, где есть озеро с целебным белым илом.

Распелся, как соловей.

– Боюсь, ваши старики ошиблись. В дне от Двухглавой гряды нет никаких долин. И озер тоже. Там только одна дорога – на перевал.

– Очень жаль, – вздохнул Керэ.

– Жаль чего? Что нет озер или что я вам подхожу? – не выдержал я. – Сколько еще ты будешь меня проверять?

– Теперь мы можем отправляться в дорогу, – проигнорировал мои вопросы Рашэ.

– Ночью?

– До рассвета ждать слишком долго. Мы и так потеряли много времени.

– Когда произошло убийство?

Мне сочли возможным ответить.

– Рано утром.

Плохо. Придется попотеть. Стрелок опережает нас едва ли не на сутки. Если он хорошо знает местность, то догнать его будет крайне сложно.

– Ты следопыт? – обратился я к Рашэ.

– Да.

– Нашли место, откуда стреляли?

– Да.

– Я хочу посмотреть.

– У нас нет времени, – процедил Керэ.

– Вы ничего не теряете.

– А что приобретаем?

– Я хочу знать, с кем предстоит столкнуться.

Золотоволосый эльф задумался, затем неохотно кивнул.

– Хорошо. Покажи ему.

Я пошел следом за Рашэ. По дороге к нам присоединились еще два эльфа с факелами. Пройдя по берегу, мы добрались до кромки леса. Здесь она ближе всего подступала к реке, выдаваясь вперед, словно огромный язык.

– Стрелок был в лесу?

– Нет. В тростнике.

Когда я оказался на месте засады, то невольно восхитился. Скрыться в роще после выстрела было очень легко. Днем мост отлично просматривался (сейчас были видны лишь горящие на нем шесты с факелами), а вот лучника в высоких зарослях – разглядеть практически невозможно. Отсюда идеально можно исчезнуть, пока жаждущие мести Высокоблудные пытаются понять, что произошло и откуда стреляли.

– Что говорят следы? – спросил я.

Эльфы переглянулись, но Рашэ все же ответил.

– Он был один. Выстрелил, а потом ушел в чащу.

– Он? – уточнил я.

– Да.

Я кожей чувствовал их презрение. Эльфы считают недостойным мужчины занятием браться за лук. Это оружие используют их женщины. Так что надо ли говорить, что наши стрелки на порядок превосходят эльфийских, хотя бы потому, что ни одна баба не способна нормально натянуть трехсотфунтовку? Легкие эльфийские луки, которые используют Черные лилии, не идут ни в какое сравнение с человеческими.

Словом «он» Рашэ дал мне понять не только то, что стрелял мужчина, но и то, что это сделал человек, а не Высокородный. Иначе была бы не стрела, а арбалетный болт. Отчего-то использовать это оружие остроухие не считали зазорным и с легкостью переняли его у нас.

– Пора идти. Ты узнал все, что хотел, человек?

– Не все, – я прищурился, на глаз оценивая расстояние до моста.

Ярдов двести сорок – двести пятьдесят. Прилично. Очень прилично. Лучник был опытным малым? Или была? Хотя не очень я верю в то, что из их слабеньких хворостинок можно послать стрелу на двести пятьдесят шагов. Да еще так точно.

– Какая с утра была погода?

– Если ты о ветре, то он дул от моста в нашу сторону.

– Сильный?

– Иногда.

– Кого убили?

Возникла долгая пауза.

– Не твое дело, – процедил Рашэ.

– Он стоял на мосту один? – Я продолжал задавать вопросы, как ни в чем не бывало.

– Нет. – Вновь молчание. Затем Высокородный снизошел до объяснения: – Там много кто был.

– Много? – насторожился я. – Двое? Пятеро? Десяток?

– Это так важно?! – его начало раздражать мое любопытство.

– Да, если Керэ хочет поймать убийцу.

– Там было больше сорока эльфов, включая и дельбе. Теперь мы можем идти?

– Да. – Я узнал о лучнике все, что хотел.

Как ни спешили остроухие, выступить в дорогу мы смогли не раньше рассвета.

В тот момент, когда небо уже достаточно посветлело, и по густой низкой траве пополз первый туман, Рашэ вручил мне один из трех лежавших на земле походных мешков.

– Этот твой.

Я взвесил груз в руке, затем, ничего не спрашивая, воспользовался тем, что Керэ разговаривает с неизвестным мне эльфом, и проверил содержимое подарка. В мешке было все необходимое для длительного похода по лесу и горам. При всей моей нелюбви к лесному племени, в скрупулезности им не откажешь.

В Сандоне я оказывался не впервые, но из раза в раз эти леса заставляли меня внутренне трепетать. Это был мир Высокородных, их страна, их дом. От него веяло молчаливой угрозой и ожиданием, когда ты допустишь ошибку. Входящий сюда человек не должен был забывать, что пока он под сенью дубов, за его шкуру не дадут и обрезанного сорена.

Несмотря на присутствие и покровительство эльфов, чувствовал я себя все равно неуютно. По старой привычке начал вслушиваться в звуки просыпающегося леса: пока еще робкие переклички утренних птах, шум ветра в кронах деревьев. Я ждал неприятностей в любой момент, и стоило огромного труда сдержаться и не взяться за лук. С ним я бы чувствовал себя куда более уверенно.

Высокородные сразу же взяли зверский темп, перли по знакомым им едва видимым тропинкам, и приходилось не отставать. Не скажу, что это было тяжело, мне здесь частенько приходилось бегать.

Впереди шел Рашэ, он оказался тем самым следопытом, о котором упоминал Ожон. Пока остроухий ни разу не остановился, словно прекрасно видел на нетронутом лиственном ковре чужие следы. Может, так оно и было, но я ничего особенного не замечал. Земля как земля.

Мне выпало идти вторым. Не буду утверждать, что это безумно радовало, но спорить с Керэ не имело смысла. Он сразу дал понять, что не оставит меня у себя за спиной. Сейчас недомерок шел в десяти шагах позади, казалось, не обращая на меня никакого внимания. Во всяком случае, такое могло создаться впечатление у тех, кто незнаком с эльфами. На мой взгляд, ошибочно надеяться, что остроухий о тебе забыл. Память у ребят длинная и хорошая. Точно такая же, как у людей – в этом мы с ними очень похожи. Есть еще несколько подобных сходств, например коварство и желание любой ценой достичь победы. Порой я начинаю думать, что мы не так уж чужды друг другу, как считаем.

Оба Высокоблудных вооружились излюбленным оружием своей расы – короткими копьями с широким листовидным клинком-наконечником. При должном умении подобное оружие ничуть не хуже людских мечей, а может, и лучше. Кроме того, за спиной Рашэ висел арбалет, а Керэ нес на поясе короткий массивный жезл. После недолгого изучения и обдумывания я решил, что эта штука никак не может быть оружием. Слишком красива и дорога. Небось, какой-нибудь изысканный наследный знак, позволяющий одному Дому отличить представителя правящей семьи другого. Отчего-то я ни на минку не сомневался, что возненавидевший меня с первого взгляда Керэ – Очень Большая Шишка.

Как я и предполагал, эльфов в приграничной части Сандона оказалось как тараканов на кухне грязного трактира. Едва ли не через каждые полнара мы натыкались на патрули остроухих. Зуб даю, что Высокородных в округе гораздо больше, просто половина из них не сочла нужным показаться мне на глаза. Лишь

к ночи мы прошли через выставленные кордоны и остались в полном одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сандон – лес Высокородных.

2

Мелот – божество, в которое верят люди Хары.

3

Альсгара – крупнейший южный город Империи.

Купить: https://tellnovel.me/aleksey-pehov/cena-svobody

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити